

Леонид БУДАРИН

**ТАК
РАСПОРЯДИЛАСЬ
ВОЙНА**

18+

Леонид Бударин

Так распорядилась война

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бударин Л. В.

Так распорядилась война / Л. В. Бударин — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Немцы вынудили красноармейца Семёна Родина стать соучастником разгрома отряда, выходящего из немецкого окружения осенью 1941 года. Он возвращается в свою деревню, где изменяет любящей девушке. Отец попытался вернуть его в армию, но во время занятия райцентра немцами начальник отдела НКВД похода застреливает Семёна. И сам через час гибнет, взорвав вражескую бронемашину. Вместе с ним гибнет его заместитель - начальник милиции, невеста которого подвергается дезертирами изнасилованию и жестокому убийству...

В оформлении обложки использована фотография Дмитрия Бальтерманца «Горе»

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:

Вместо свадеб – разлуки и дым...

Булат Окуджава. «До свидания, мальчики»

I

– Егор, а, Егор, никак, стучится кто?

Егор Иванович неохотно проснулся, прислушался:

– Ветер это. – Подумал с жалостью: «Где мужику горе по колена, там бабе уже с ручками. Одно слово – мать». – Спи давай!

Ветер и впрямь подёргивал на крючках распахнутые ставни и уже разогнал тучи, из которых весь день сочилась изморось, а к вечеру просыпался крупными редкими хлопьями первый липкий снег. Окно лунно светилось, наполовину задёрнутое занавесками. Стрекотал где-то у печки сверчок. Он поселился там с июля, как забрали Семёна на войну. Хотя, может, и раньше жил, да на него не обращали внимания. «К холодам», – решил Егор Иванович. Но весь сентябрь стояло ведро. Сверчок попался звонкий, сначала даже мешал заснуть. Егор Иванович бранился, обещал этим же утром разобраться с незваным гостем, но поутру ему было недосуг осуществить угрозу. А скоро к сожителю привыкли, и если не начинал он свою песню в урочное время, когда задували лампу, Полина Сергеевна даже тревожилась:

– Чтой-т молчит наш запечный соловей.

– Запиликает, куда он денется.

Электричества и радио в деревне не было. Новости приносила в кирзовой растерзанной сумке колхозная почтальонша Галя, девка на выданье, старшая из шести детей Пожидаевых. До райцентра считалось семь вёрст и всё лесом. Да кто их мерил, эти вёрсты, может, и все десять наматывала Галя в один конец по пьяной лесной дороге. Хорошо, если случалась попутная подвода, но это случалось редко. А так на своих двоих. Зимой, правда, к своим двоим полагались лыжи.

Вместе с газетами и письмами Галя приносила слухи, которые передавала шёпотом. Из газет выходило, что бьём мы немцев в хвост и в гриву. Слухи приходили тягостные, верить им было не вмоготу. Когда же они позже находили подтверждение в скупых строчках «От Советского Информбюро», Егор Иванович кипятился, скакал по комнате, стуча по полу самолично выструганным из полена протезом:

– Эт что же получается, а? Где ж наши танки-самолёты? Уже и Полтава под германцем!

– Тебе-то что? Полтава вона где... – Где Полтава, Полина Сергеевна не знала, знала только, что чёрт-те где.

– Дура-баба! Там же Гоголь родился!

Гоголя Егор Иванович читал, как Полина Сергеевна Евангелие. Они и на этажерке соседствовали – гоголев «Тарас Бульба» и Евангелие, одинаково обёрнутые в газеты. Из других книг этажерку отягощали только школьные учебники сына.

От Семёна писем не было. Пришло одно в августе, написанное ещё в июле, в поезде на фронт, и всё, как отрезало. Он, впрочем, и не очень-то обещал писать, шутил: «Молчу – значит, всё хорошо, а что случится – другие напишут».

– Типун тебе на язык! – пеняла ему Полина Сергеевна и крестилась. Галю ждала с опаской, как и все бабы. Но и от *других*, слава Богу, письмо Родиным не поступило. А где-то ближе к концу первой недели октября, как донёсся с запада и уже не прекращался ровный гул, Галя вернулась из райцентра с порожней сумкой. Сказала обступившим бабам:

– Закрыта почта. На двери вот такой замок и бумажка: «Почта временно не работает». И квартира начальника почты тоже закрыта. – Начальник с семьёй жил в одном доме с почтовым

отделением. – И вообще всё закрыто. – Галя села на ступеньку крыльца избы правления колхоза и заплакала. Бабы тоже пустили слезу.

Сын нелегко Родиным дался. До того как ни забрюхатеет баба, всё выкидыши случались – то в поле, то в хлеву под коровой. Полина Сергеевна про себя была уверена, что вымолила Семёна перед той чёрной иконой в углу, что соседствовала с газетным портретом Сталина, пришпиленным Егором Ивановичем к стене канцелярскими кнопками. Мужу в своей уверенности не открывалась: он исповедовал другой «опиум для народа». А после Семёна и беременеть Полина Сергеевна перестала.

Годка сыну не исполнилось, накинулась на него неведомая хворь: с виду гладок, а кричал непрерывно, того гляди весь криком изойдёт. Призвали знахарку из ещё более глухой деревеньки Дегтяри. Как удалось Егору Ивановичу выманить капризную старуху из её вросшей в землю избушки под чёрной, как сама, соломой, осталось неизвестным. А только притопала ведунья по связывающей две деревни стёжке по-над речкой из своего далека.

– Мочи моей нет больше! – заламывала руки Полина Сергеевна. – Вырос бы он поскорей, чтоб хотя о боли своей мог сказать!

Зельями ли, заговором ли, излечила колдунья мальчика от хвори. А когда прощалась, нехитрой благодарностью отягощённая, поманила Полину Сергеевну к себе жёлтой рукой:

– А время, девка, не понукай: дитё вырастет – ты состаришься. Теперешние невзгоды счастьем будут сниться. Попомни моё слово! – «До свиданья» не сказала – ведала, значит, что не потребуется здесь впредь: ни одна зараза к Семёну больше не приставала.

Вот и сбылось её пророчество: вырос Семён, когда-никогда, Бог даст, с войны вернётся, радоваться бы, а на радость времени и не осталось. «Оженить бы его только успеть», – вздыхал Егор Иванович. Так повелось у них в последние годы: один о чём задумается, а другой уже о том говорит.

– Да нет же, Егор, стучат! Аль не слышишь?

Полина Сергеевна босиком по охладелому к утру полу пересекла комнату, сдвинула занавеску, спросила в окно негромко:

– Кто там?

За окном, чуть подсвеченный снегом, возник силуэт человека. Он приблизил лицо к стеклу и не вымолвил даже, а выдохнул:

– Мама...

Неслышимый его крик чуть не оглушил Полину Сергеевну.

– Сеня, сыночек мой! Егор, Егор, – Сеня!..

Егор Иванович уже чиркал спичку вдруг задрожавшими руками и всё промазывал мимо коробка. Наконец запалил фитиль лампы, всегда стоявшей на тумбочке у изголовья кровати, стал пристёгивать к культе деревяшку. И всё повторял ошарашенно:

– Семён... Надо же! Вот-те на!

Сели за стол в полутьме: лампу Семён отнёс на кухню, окном выходящую во двор и отгороженную от передней занавеской, простиранный до прозрачности:

– Не надо огня, батя, и так видно.

Полина Сергеевна металась от печи к столу и обратно, вдруг останавливалась среди комнаты, рукой с тряпицей унимая расхолодившееся сердце, и снова порывалась что-то забытое донести к столу.

– Сядь, мать, не мельтеши! – сказал Егор Иванович. Полина Сергеевна послушно опустилась на скамью подле сына, торопливо хлебавшего давешние щи. Подумала с жалостливой тоской: «Ай не кормят их там?». Спросила:

– Ещё налить?

– Спасибо, мама. – Ложку, облизав, положил на стол рядом с миской, как было принято в доме. – Мне бы закурить – страсть как курить хочется.

– Это можно, – обрадовался Егор Иванович, не вспомнив, что уходил Семён на войну некурящим. – Небось, отвык от нашего-то?

– Отвык, – согласился Семён. Он, как вошёл, так и сидел не раздеваясь, будто забежал на минутку, шапку только скинул. На ней – Егор Иванович пометил в уме – от красноармейской звёздочки одна вмятина осталась. Полина Сергеевна ладонью огладила влажный рукав шинели от плеча вниз, просунула пальцы под обшлаг гимнастёрки – и тепло ей стало. Семён вздрогнул, но руки не отнял.

Закурили – отец и сын, по очереди запалив самокрутки от угля из печки.

– Ну, как там? – спросил Егор Иванович.

– Плохо.

– Это я и сам знаю, что плохо. А хорошего что? Долго ещё от германца драпать будем?

– Надоело!

– Оно всем надоело.

– Вот пристал, что твой банный лист! Дай человеку посидеть спокойно.

– А ты, мать, не встрейвай: не твоего ума дело.

– Господи!

– На побывку али как?

«Уйду! – решил Семён, – вот докурю и уйду. К чёрту!».

– На побывку, спрашиваю, али сам отлучился?

«В лес уйду, как-нибудь до лета перекантуюсь: мать поможет. А летом тепло, и война кончится. Разве ж такую силищу пересилишь?».

– Та-ак, значит. – Егор Иванович придавил окурок о пол и каблуком сапога притёр. – Сын на побывку приехал, а мы тут сидим во тьме, точно воры. Неси, мать, лампу.

– Не надо лампу, батя! И так всё видно.

– Кому видно, а кому и нет. Неси, говорю, лампу, мать! – прикрикнул Егор Иванович и кулаком пристукнул. Поднял лампу над головой:

– Ну-к, Семён, встань, дай погляжу, какой ты есть молодец. Хар-рош, ничего не скажешь! А ремень, что, потерял али как? Готовь, мать, стол – гостей собирать будем.

– Батя!

– Рехнулся ты, что ли? Война, а он – гостей!

– Сын на побывку приехал – как же без гостей? Никак нельзя без гостей! Грешно. Таньку сам позовёшь али мне за ней спрыгать? Иссохлась вся, чуть не каждый день прибегает – что да как. А хрен его знает, как! Ни письма, ни словечка. Хорошая девка, ничего не могу сказать.

– Пойду я, батя.

– Сиди! Когда надо будет – сам отвезу. Отдыхай пока. Баню растоплю – разбужу.

За день Семён переколол все дрова, что были свалены во дворе, и сложил в дровяник под самую крышу. И всё никак не мог решить, на что решиться.

II

Расчленённая, почти неуправляемая, с перемешавшимися соединениями и частями, многократно битая, понёсшая чудовищные потери, утратившая доверие к командованию, армия ещё влачила в направлении, определённом генералами. Впрочем, ни Семёну Родину, ни даже капитану-артиллеристу, с кем ещё не свела Семёна судьба, о замыслах начальства не дано было знать. Капитану предстояло по команде обрушить на врага последние снаряды из последних двух пушек, а затем привести орудия в негодность и в пешем строю следовать за

колонной войск. Родину предстояло в составе стрелкового полка, съёжившегося до роты, по команде бежать с криком ура туда, куда все побегут, и разить врага штыком и пулей. Они так и поступили, как им предписывалось, артиллерийский капитан и Родин.

В ночном отчаянном броске армия пробила узкую брешь в кольце окружения, в неё хлынуло всё, что могло передвигаться, заткнуло собой горловину и потеряло способность осмысленно передвигаться. На рассвете немцы подтянули к месту прорыва танки и принялись хладнокровно расстреливать копошащийся табор из всех видов оружия. Очумелая толпа бросилась обратно в лес, бросая оружие и технику, и в ужасе покатила по нему, расчлняя и увлекая за собой ещё не деморализованные войска. Бегущие люди то сколачивались в группы, то разрознялись, чтоб образовать другие. Всегдашний спутник паники, гадюкой пополз между ними популярный в 41-м слухок: «Предали генералы, драпанули кто на чём, а нас бросили коту под хвост». Кто-то видел, как сам командующий армией улизнул на танке КВ. А поскольку генералами и вообще старшими офицерами окрест и впрямь не пахло, то не верить слуху резона не было. Стали кучковаться по интересам: одни – для сдачи в плен, особенно те, чьи хаты уже были под немцем, другие – чтоб пробиваться к своим. Первых было больше, существенно больше.

А по окружности территории, ещё не контролируемой противником, продолжало гromыхать: туда не докатилась волна паники, и горстки людей отчаянно огрызались на бесперебойно работающую германскую машину войны, заставив её буксовать. «Это можно назвать успехом русских, чьё упрямство принесло-таки им дивиденды», – отметил в дневнике генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий немецкой группой армий «Центр». Территория эта включала в себя несколько деревень – а так всё леса да болота – и ежечасно сжималась, пока не раскололась на обособленные островки среди вражеских войск. Армия, которую немецкое командование считало одной из самых боеспособных у советов, перестала существовать. Дорога на Москву была открыта. Проблема состояла в том, что дорог не было, а тут зарядили дожди, и то, что на картах обозначалось как дороги, превратилось в непроезжие грязевые реки.

Стечением таких вот обескураживающих обстоятельств красноармеец Семён Родин и с ним несколько беспризорников от инфантерии оказались в группе капитана-артиллериста. Шла эта группа не абы как, а сохраняя очертания колонны, и не базарила поминутно, как другие, определяясь с направлением движения. Нет ничего хуже на войне, чем безначалие войск, когда кто в лес кто по дрова и каждый сам себе Наполеон. Солдат без командира, что стадо без пастуха: непременно вляпается в какую-нибудь беду. Это Семён за три месяца проворного дранг нах остен уяснил основательно.

Прибилось к капитану подобным макаром человек двадцать, и своих пушкарей вдвое больше было. К незваному пополнению капитан отнёсся без восторга, но и неприязни не проявил. Только приказал или проваливать к чёртовой матери, или пристроиться в хвост колонны, а не тащиться обочь, как на базар. Такой подход Родину понравился: сразу видно, стоящий командир, с таким не пропадёшь.

Капитан вызывал уважение одним уже своим героическим видом. Два пистолета в кобурах по бокам; на животе, за офицерским ремнём со звездой – револьвер нагишом; через плечо – портупья и кожаная полевая сумка. Петлицы на кителе и шинели и знаки различия на них были у него не защитного цвета, для всех одинаковые, как предписывал недавний приказ наркома обороны, а довоенные – чёрные в красной кайме, и капитанские шпалы тоже красные, а две скрещенные пушки – знак принадлежности к «богу войны» – золотые. Когда вышестоящие начальники делали ему по этому поводу замечание, он парировал: «Боец должен видеть в бою своего командира». И трудно было в его словах не уловить упрёка чуть ли не самому наркому обороны.

Вышестоящие начальники недолюбливали прямого, как оглобля, капитана, частенько высказывавшего мнение, отличное от единственно правильного. Порой доходило до угроз

отдать комбата под трибунал. Особенно вышестоящих начальников раздражало то неприятное обстоятельство, что капитан далеко не всегда был неправ.

Когда разрывы снарядов и мин остались позади и отпала необходимость то и дело плюхаться наземь, а потом лишь через не могу подниматься, капитан наконец объявил привал. Приказал рассредоточиться, да кто ж его послушал: воприрку теплее. Коснувшись земли не брюхом, как при обстреле, а спиной, люди мгновенно отключились. Капитан не решился кого-то поставить в охранение: что проку – стоя будут спать. А потом что с ними делать, расстреливать за сон на посту? Да и вряд ли немцы решатся так глубоко проникнуть в лес без танковой поддержки, будут ждать, пока сами выйдем. А выйти рано или поздно придётся. Вопрос – где.

Когда же капитан, подложив под себя полевую сумку, чтоб не спёрли, сел и подпёр позвоночником сосну, то и сам провалился в сон. Успел только пометить в уме, что над самыми макушками сосен пролетела, занудно свербя слух, растреклятая «рама» – двухфюзеляжный немецкий самолёт-разведчик. По нему стреляй не стреляй – летит себе хоть бы хны.

...И всё, как отрезало капитана от бытия.

Разбудили тех, кому суждено было проснуться, взрывы бомб и пробирающий до печёнки вой пикирующих бомбардировщиков. Сколько их было – два, десять, не разберёшь: один отбомбился, следом другой. Бомбы они клали именно туда, куда надо. А спрятаться было негде, ни ложбиночки какой. Сосны, сосны среди глубокого мха и черничного подлеска. Да не такие сосны, как на циферблате у ходиков, где три медведя озорничают на поваленных соснищах, а так – слегу в кисть руки толщиной с голыми до макушек стволами. Оставалось только уповать на Бога, что Семён и делал усердно, перевернувшись на живот и уткнув голову в комель дерева. Уши ладонями зажал, чтоб не оглохнуть, если выживет.

Услышала его Пресвятая Богородица. А многих не услышала. Или они безбожниками были? Ладно бы осколком в сердце – хорошая смерть, лежишь, как живой, только шинель попорчена. А то ведь кого по черничнику разметало – не соберёшь, кому что оторвало... Правду батя говорил: войну легко слышать, да тяжело видеть. Когда через тысячу лет опорожнились фашисты от бомб, и живым ощутил себя Родин, почувствовал постороннюю тяжесть на спине. Страхнул тяжесть, посмотрел: нога в ватной брючине и в сапоге с разъявленной подошвой, выдернутая из самого некуда. И ведь не почувствовал, когда она на него свалилась.

Услышал зов сквозь гул в ушах:

– Браточки, сюда! Сюда, браточки!

Пополз на зов, ещё не будучи уверен, что бомбёжка кончилась. Вблизи воронки, остро пахнувшей перегоревшим порохом, лежал под надломленной сосной кусок солдата – в кровище, без обеих ног и с вывороченными из живота внутренностями.

– Ой, браток, посмотри, ноги целы?

– Целы, целы, куда ж они денутся.

– Вот и ладненько – а то как же я без ног, – виновато улыбнулся обрубок и затих. Семён ещё подумал, не этого ли солдата нога угодила в него. Может, и не этого: выбор у бомбы был большой.

Невредимым оказался и капитан, хотя особо не берётся: бомба, если ей нужно, и в окопе, и даже в блиндаже найдёт, не то что под дырявым покровом леса. Поднявшись с земли и отряхнувшись от иголок и песка, перво-наперво пучком мха отёр сапоги от налипшей лесной грязи. Перекинул через плечо командирскую сумку, поправил кобуры и револьвер. К нему подтягивались, окружая, уцелевшие бойцы, все немного не в себе от того, что уцелели. Перебрасывались нервными смешками. И не скрывали радости, наблюдая хорошащегося комбата. Стало их, на глазок, едва ли не вдвое меньше, чем было до бомбёжки. Издали и вблизи раздавались

стоны, крики и мат тех, кому скорее не повезло, чем повезло остаться в живых; кто-то пристрелил себя. На них не обращали внимание. Все понимали: ранение, если обезжизнивало, было равнозначно гибели, только растянутой во времени и оттого мучительной. Врачевать раненых было некому и нечем. Тащить же их на закорках незнамо куда никому и в голову придти не могло: ходячим бы выбраться. И немцы, буде наткнутся на этот ими сотворённый ад, тоже, ежу понятно, не поволокут недобитых иванов на себе в плен через лес, что бы там ни названивала Женевская конвенция о военнопленных. Так что песенка неходячих раненых была спета в то одно мгновенье, когда вонзался в них кусочек горячего металла. И винить некого.

– Ну что, славяне, дали нам тевтоны прикурить? – насмешливо спросил капитан, из опыта зная, что именно шутливым тоном скорее всего можно вывести из стресса потрясённых людей.

– Крепкий табачок у Гитлера, ничего не скажешь.

– До печёнок пробирает, почище «Золотой осени». – «Золотой осенью» остряки называли курево из опавших листьев клёна, дуба или берёзы. Ещё в ход шла перетёртая кора, но этот табак именовался «Вырвиглазом».

– У меня душа в задницу ушла, ей-бо! И главное, прёт на тебя фриц, лётчика уже видать, того гляди, вонзится, только над самыми макушками выравнивается. Во паразит!

– А ты пёрни – душа и вылетит на свободу.

Все рассмеялись и стали приходить в себя. Капитан заметил, что в поредевшем его войске за время привала появились новые лица – зрительная память у него была цепкая.

– Нашего полку, гляжу, прибыло. О, даже комиссар! Какими судьбами? А куда запропастилось окормляемое вами подразделение Красной Армии? Полегло в бою за социалистическую Родину? Или разбежалось? И только вы не полегли и не разбежались... Вот что, товарищ младший политрук... Я здесь как-нибудь без попа управлюсь, а вы – ноги в руки и ищите своих бойцов. Им ваше вдохновенное слово сейчас самый раз. Наполнит сердца мужеством и безграничной верой в победу! Так, кажется, принято изъясняться на вашем языке?

– Товарищ капитан!

– Кру-гом! Шагом марш! Вот так-то... Да, кстати, политрук, – младший политрук остановился, с надеждой обернулся, – спорите звезду: немцы комиссаров сразу к стенке ставят. Да и нарком обороны обезличивание комсостава поощряет: серенькие мышки дольше живут, чем альбиносы. Научно установленный факт.

– Не вы мне звезду нашили, товарищ капитан, и не вам ею распоряжаться.

– Мальчишка. Ему как лучше...

– Не петушись, товарищ политрук, – встрял старшина, по возрасту годящийся в отцы и комиссару, и комбату. – Дело говорит товарищ капитан. Что зазря голову под пулю класть? Уж столько зазря народу погубили...

– Да идите вы все! – политрук сел на землю и заплакал. Всем стало неудобно.

Родину не понравилось, как капитан обошёлся с младшим политруком. Не по справедливости это. Хотя как было бы по справедливости, Семён не знал. Ведь прав же капитан: растерял политрук своих красноармейцев и, значит, лишил взвод или роту боеспособности. А с другой стороны, попробуй не потеряться в кромешной тьме да в неразберихе, которые с первых минут сопровождали попытку прорыва. Не получится. Но у капитана же получилось. Правда, после бомбёжки от капитановой батареи остались одни рожки да ножки: с полтора десятка человек, а остальные пришлые. Кто в шинелях, кто в телогрейках, кто в пилотках, кто в обмотках, а один даже в лаптях. В общем, чёрт знает что. Но политрука всё равно было жалко: куда он один?

– Так, всё: общее собрание колхоза «Светлый путь» объявляю закрытым. Нам ещё по этому пути топать да топать. – Семён удивился, откуда капитану известно название его родного колхоза. Спросить не решился. – В одну шеренгу – становись!

И хотя окружающее воинство было из разных частей и даже родов войск и могло запросто послать комбата по буквам алфавита, но безропотно покорилося его воле – за утратой своей. Выстроились: без субординации, как придётся, только артиллеристы кучно встали на правом фланге, остальные к ним пристроились. Политрук как сидел на земле, обхватив голову руками, так и остался сидеть метрах в десяти.

Капитан подошёл к нему, притулился рядом на корточках, сказал, чтоб слышно было в шеренге:

– Извините, товарищ младший политрук, погорячился. Сами видите, бежим, бежим... С самого Буга только и делаем, что драпаем наперегонки друг с другом. «Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин...». Послал... Это же надо: за неделю целую армию просрать. У кого хочешь нервы сдадут. А что вы звезду не спороли и кубаря не скovyрнули – правильно сделали. Лучше умереть с честью, чем прозябать в бесчестии, да простит мне Всевышний эти выпрeнные слова. – И пошагал к шеренге, которая, видно было, подобрела к капитану.

Пока шёл, заметил, что в строй не встал плотный мужчина немолодых лет в чёрном кожаном пальто с красными петлицами, но без знаков различия на них. Он сидел на вырванной с корнем сосне и улыбнулся, когда сошёлся взглядом со взглядом капитана. Лицо его выдавало ум, а поза, в которой сидел – нога на ногу, скрещенные на колене руки – говорила о том, что он всегда наблюдает за собой со стороны и старается выглядеть эффектно. «Любопытный фрукт», – подумал капитан. «Интересно, что он подумал?» – подумал мужчина в кожаном пальто.

Когда рассчитались по порядку номеров, в строю оказалось тридцать два человека. Плюс капитан, плюс, похоже, младший политрук, плюс этот вот фрукт – правда, неясно, что у него на уме.

– Товарищи красноармейцы! – начал было капитан, но его прервал голос из строя:

– Какие мы теперь красноармейцы? Так, сброд, стреляные гильзы. Генералы нами свои задницы подтёрли.

В строю разноречиво зашушукались:

– Ну уж так прям и гильзы. Я этих фрицев из своей моськи штук пять нащёлкал.

– Ни жратвы, ни курева. А генералы в Москве колбасу трескают.

– И «Московской» запивают.

– И девок тискают.

– Эх, мне бы сейчас каку-никаку – хоть кривенькую, хоть хроменькую...

– Раскатал губы! С голодухи-то, небось, с шести часов стрелка не сползает.

– Не, у меня: бабу увижу – сразу полдень. Как на Спасской башне.

– Заливай!

– А я, кажется, не разрешал разговоры в строю! – повысил голос капитан. Поутихло. – О генералах или ничего, или только хорошее. – Кто-то негромко засмеялся: «Как о покойниках». – Что и где они трескают, мне неведомо. А только никакой генерал здесь нам не поможет, будь он хоть самим Кутузовым-Суворовым. Своими мозгами шевелить придётся. И с разгильдяйством покончить раз и навсегда. Был приказ перед налётом – рассредоточиться? Был. И что? Залегли кучамалой – вот и разнесло половину. Холодно им, видишь ли. Теперь тепло... В общем, так. За неисполнение приказа – расстрел на месте.

– Не пугай, капитан, сто раз пуганые, – высунулся из строя невысокий, крепко скроенный парень одних с капитаном лет – под тридцать. В телогрейке, наполовину нарочито распахнутой, чтоб видна была медаль «За отвагу» на гимнастёрке – редкая в ту пору медаль. Опоясан кожаным трофейным ремнём, к которому приторочен немецкий штык-нож в железных ножнах. С немецким же автоматом на шее. Бывалый, по всему видать, солдат, и цену себе знает. Высокую цену. – Ты нам кто? Ты нам никто. Вон остались у тебя твои пушкарки – ими и командуй, если они согласные. А нам офицерё во уже где! – он провёл ребром ладони по горлу. –

Только и умеют, что своих расстреливать. Что, не так? А где они, лампасники, покажи хоть одного, дай руками потрогать. Вперёд, вперёд, за Родину, за Сталина! А самих из тыла танком на аркане не вытащишь.

– Ты, паря, говори-говори, да не заговаривайся! – осадил бунтаря старшина из пушкарей. – Уж кто-кто, а комбат по тылам не отсиживался.

– Все они одинаковые! На нашей крови звёзды да ордена зарабатывают. Что, не так? Ещё как – так! Не подходи, капитан, убью, ей-богу, убью, за мной не заржавеет! – солдат вскинул автомат на изготовку. Сбросили с плеч винтовки и артиллеристы, направили на смутьяна, заклацали затворами. Строй рассыпался.

Капитан понимал, что у солдата случилась истерика, сорванная с предохранителя угрозой расстрела, ни к кому конкретно не обращённой: по-видимому, немало он наслушался таких угроз в последние суматошные дни. Но понимал капитан и другое: если сию минуту не прекратит бучу, эти три десятка доверивших ему себя людей превратятся в необузданное скопище, где каждый сам за себя и готов перегрызть ближнему горло. А первой жертвой станет он, капитан.

И капитан направился к бойцу уверенной всегдашней походкой, отнюдь не будучи уверенным, что дойдёт до него прежде, чем тот в беспамяත්стве нажмёт на крючок пистолета-пулемёта.

– Стой, капитан! – негромко, уже для себя приняв решение и оттого успокоившись, предупредил сержант: теперь, с оставшихся до него пяти шагов, капитан рассмотрел зелёные трюгельнички, вставленные прямо в воротник телогрейки – без петлиц.

– Воздух! – крикнул капитан. Того мгновения, когда все – и сержант – невольно задрали головы, ему хватило, чтобы выдернуть из-под ремня револьвер и всадить сержанту пулю в грудь. Чуть-чуть правее медали «За отвагу».

III

Поручив младшему политруку переписать бойцов отряда и назначив командиров отделений – из батарейных, кого знал, – капитан приказал снести тела погибших или то, что от них осталось, в одну-две воронки, каких немало натыкали в лесу немецкие самолёты.

– Медаль с сержанта снять?

– Зачем? – он её заслужил. И прикопайте по-человечески могилы. Может, и нас кто закопает, случись что. А раненых – даже не знаю... Кто сам просит или уже доходит – пристрелите.

– Как это? – опешил политрук.

– Сквозь слёзы, товарищ младший политрук, сквозь слёзы! Чем мы им поможем? Да ничем мы им не поможем, только мучения продлим. И они это понимают. Перевяжите, кого можно. Чем, чем!?! Нижним бельём – с убитых. В общем, сами решайте.

Раздалось несколько винтовочных выстрелов. Из пистолета выстрелов не последовало. «Сосунок, – подумал капитан. – Надеется чистеньким выйти из войны. Война всех испачкает».

– Ну, капитан, лихо ты навёл порядок! – выждав, когда капитан остался один, к нему, издали широко улыбаясь, подошёл тот фрукт, что уклонился от построения. – Лихо, капитан, одобряю! – и потянулся похлопать капитана по плечу. Тот отстранился:

– Ой, спасибочки! – и сделал подобие книксена. – А я-то испереживался: вдруг что не так. Ну просто камень с души сняли! – Перестал ёрничать. – Вы кто такой? Почему обращаетесь не по уставу?

– Брось, капитан, выпендриваться. Я командир дивизии полковник... – он назвал фамилию, которую капитан пропустил мимо ушей, так его остервенела снисходительная фамильярность этого субъекта. – Кстати, капитан, ты из какой дивизии? Непременно буду ходатайствовать о представлении тебя к правительственной награде. Непременно!

– Ваши документы?

– Какие, к чёрту, документы, капитан? Ты что, думаешь, я мог доставить немцам удовольствие раненым попасть в плен с комплектом документов на блюдечке? Плохо ты обо мне думаешь, капитан! Я их закопал в надёжном месте. Вместе с партбилетом и орденами. Под интенсивным огнём противника, должен заметить.

– И шпалы полковничьи тоже закопали?

– И шпалы, разумеется. И именной парабеллум, который получил лично из рук товарища Тимошенко.

– Непременно буду ходатайствовать о представлении вас к правительственной награде. Посмертно.

– Ну и шуточки у вас, товарищ капитан!

– А это не шуточки, товарищ полковник или кто вы там. Приказ товарища Сталина читали? Или вам напомнить? Я его наизусть выучил. «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия, считать злостными дезертирами. Расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава».

– Такое право, товарищ капитан, предоставлено только вышестоящим командирам, – снисходительно поправил капитана полковник.

– А я и есть для вас вышестоящий командир, потому что вы никто. И не дёргаться! – я не промахнусь. Пётр Павлович! Товарищ старшина! – покричал капитан, обращаясь к группе красноармейцев, исполнявшей скорбные обязанности похоронной команды. Когда старшина подошёл и доложил – это был тот пожилой солдат, что увещевал полтрука смирить гордыню и не подставлять голову под пулю, капитан приказал:

– Товарищ старшина, возьмите одного-двух красноармейцев, отведите подальше этого дезертира, выдающего себя за командира Красной Армии, и поступите с ним, как совесть подскажет. И как учит товарищ Сталин. Вам всё понятно?

– Так точно. Разрешите исполнять?

Полковник до последнего момента не верил в серьёзность намерений капитана и к происходящему относился как к курьёзному недоразумению, о котором когда-нибудь можно будет в компании рассказывать, насыщая потешными подробностями. Например, во всей красе обрисовать героический – ну прямо Чапаев! – облик командира задрипанной пушечной батареи, каких в его дивизии была дюжина. Когда же капитанишко его, орденосца, жизнь вручил какому-то явно недалёкому старшине, полковнику стало страшно: этот сверхсрочник, этот солдафон тупо исполнит любой идиотский приказ, и ни одна извилина не пошевелится в его мозгу, не обременённом размышлениями.

Стало страшнее, чем когда среди блиндажей командного пункта начали рваться снаряды, а потом вдруг наступила тишина, наполненная ожиданием чего-то неотвратимого – и неотвратимое последовало. Кто-то, раздвинув полог блиндажа, крикнул «Танки!». Ужас охватил тех, кто набился в блиндаж в ожидании известий о ходе операции по прорыву кольца окружения и кому в ходе этой операции досталась горькая доля быть сторонними наблюдателями. Расталкивая друг друга, все бросились наружу. Уже светало, танков полковник не увидел, но нутром чувствовал, что они – вот они, за спиной, и каждый целится ему между лопаток. Это чувство пропало, когда он обнаружил себя в глубине соснового бора, куда танки проникнуть уж точно не могли. Вот здесь-то полковнику и представилась возможность закопать документы и принадлежности, которые могли выдать врагу занимаемое им положение в Красной Армии. Пометить место хранения было нечем, да и опасно – немцы могли обратить внимание на знак и завладеть драгоценной записочкой. И тогда им не составит труда вычислить среди военнопленных столь желанную добычу. Даже сломанной веткой место захоронения пометить полковник не стал, а заровнял ямку и присыпал жёлтой хвоей. Запомнил только, что сосна над хранилищем раздваивалась метрах в полутора от земли, и один ствол был неживой, сухой. По нему наверху барабанил башкой дятел. Почему-то и это отложилось в памяти.

Полковник ощутил, что сердце у него перестало биться, принялось разбухать, больно распирая рёбра, а потом покатилося вниз, в пах. Ноги отказались повиноваться, и он рухнул на колени. А изо рта сами собой посыпались разрозненные слова, только два из которых образовали осмысленную связку:

– Товарищ капитан... Я... Товарищ капитан... Дети... Кровью... Миленский... – А руки, опять же сами собой, тянулись обнять и ласкать, ласкать хромовые сапоги капитана.

– Исполняйте, – приказал старшине капитан, брезгливо отодвигаясь.

Для исполнения экзекуции Петру Павловичу случайно подвернулся красноармеец Семён Родин.

– Тебя как звать, сынок? – спросил старшина. Родин назвал.

– Убивать научился?

– С июля на фронте.

– Где что у баб, небось, узнать не успел, а убивать научился. Эх, война, война... Ну ты, интеллигенция вшивая, перебирай ногами, не в очереди за керосином стоишь! – для ускорения движения старшина поддал полковнику пинка под зад.

– Куда вы его? – оторвалась от земляных работ похоронная команда.

– Стой, рожа в коже! – штыком попридержал арестованного старшина. – Во разбежался! То плетётся, как грешник на причастие, то летит, как стрекозёл какой. Не бойсь, не опоздаешь. Огоньку у кого не найдётся? Куда, куда? – на кудыкину гору. Командиром Красной Армии прикидывается. Не то дезертир, не то шпион. Там разберутся, – старшина усмехнулся и указал глазами на небо.

– Да какой я, товарищи, шпион! – попытался заручиться сочувствием арестованный. – Я полковник Красной Армии, командир дивизии. Отстал в суматохе...

Красноармейцы оживились:

– Ишь ты, полковник! А по одежке не скажешь – не то бухгалтер, не то завмаг.

– Где ж твоя дивизия, товарищ полковник?

– Была дивизия, да не выдержала ревизии. Сколько ж ты, гад, людей угробил, а?

– Сам сбёг, а бойцы по хрену.

– А что ему: ему нашего брата ещё пригонят, как скотину.

– У, гнида, солдат с голоду пухнет, а этот, глякось, какую морду наел.

– Отойди, старшина, дай с полковником по душам поговорить! У меня на такой разговор давно руки чешутся!

– Но-но, не балуй! – старшина винтовкой отгородил полковника от ретивого собеседника.

– Слышь, старшина, чего ты его по лесу хороводишь? Вон яма ещё не засыпана: мы его вежливо, за кадык – и кудык! Опять же патрон сбережёшь для Гитлера.

– Не, в одной яме нельзя: всю могилу испоганит. Его б на осину... У меня и верёвочка найдётся.

Дело принимало оборот, чреватый самосудом. Старшина сплюнул окурок, придал лицу официальное выражение:

– Отставить разговоры! У меня приказ. А за невыполнение приказа – слышали? То-то! Ишь, налетели, что вороньё на падаль! Поберегите ярь для германца, чай, пригодится. Ну ты, полковник-бестолковник, шагом марш!

Когда удалились от возбуждённой солдатни на приличное расстояние, и погони не последовало, старшина расслабился, его потянуло на рассуждения:

– Ишь, набросились, того гляди, растерзают! Да... В большой они обиде на командиров, ой, в большой! И то сказать, за неделю такую силищу коту под хвост! Чему вас только в академиях учат? Опять же, в бою вас не увидишь, разве что взводного или ротного. А у тех век короткий, короче даже солдатского. А эти всё по телефону да нарочными: «Вперёд, вперёд, мать-

перемать!». А куда вперёд, когда там пулемёты-миномёты? На верную, стало быть, погибель. Ни за понюх табаку. Да, в большой они обиде! Аж мурашки по спине, в какой они обиде. Так-то вот. Что, Семён, тоже, небось, струхнул?

Родин нервно засмеялся:

– Было дело...

– Ты б, старшина, послушал, как с нами командарм разговаривает. Через слово – «Расстреляю!». Меня столько раз по телефону расстреляли – весь дырявый. А над ним – комфронта, а над ним – сам! И все только «Вперёд! Вперёд!». Шапками закидаем! Закидали... Куда вы меня?

– Хрен его знает, куда. Куда подальше. И что нам с тобой делать, ума не приложу?

– Слышь, старшина, отпустил бы ты меня, а? Что я, враг какой? Ну, смалодушничал, каюсь.

– Как можно! Приказ товарища капитана. А за невыполнение приказа знаешь что?

– Пальни в воздух, кто проверит? Ведь тоже, наверное, дети есть? У меня их двое. Дочка вот только в первый класс пошла. Алёнка, белобрысенькая – в мать, у меня и карточка есть, – полковник стал судорожно расстёгивать под пальто клапан нагрудного кармана гимнастёрки.

– Что скажешь, красноармеец Семён Родин? Отпустим товарища комдива или как?

Семён смутился: по нему, так лучше бы отпустить, что грех на душу брать. А ну как старшина проверяет его на стойкость? И доложит капитану, что красноармеец Родин вопреки приказу склонялся освободить арестованного. Под горячую руку можно и пулю накликать, за капитаном не станет.

– Как прикажете, товарищ старшина, – нашёлся Родин.

– А никак не прикажу! – старшина забросил винтовку за спину. – Катись-ка ты, мил человек, с богом да к чёртовой матери! Если выживешь, Алёнке своей не рассказывай, как ты героически Родину защищал. Промолчи: не всякая правда белый свет любит, иной в потёмках уютней. Так-то! Ну, что уставился, как баран на новые ворота? Я ведь и передумать могу...

– Спасибо вам, Пётр Павлович и Семён... – Родин подсказал, – и Семён Егорович! Век не забуду! До доски помнить буду!

– Ладно, ладно, чего там... Товарища капитана благодари.

– И-эх! – полковник тылами обеих ладоней стёр со щёк слёзы, сначала пошёл, недоверчиво оборачиваясь, а потом побежал. Было ему гнусно, дальше некуда.

– Ишь как петляет, точно заяц! – ухмыльнулся старшина. – Был бы приказ, я б тебя – петляй не петляй...

Несмотря на благополучный исход, происшествие, в котором не по своей воле оказался замешанным Родин, оставило у него в душе окаянный осадок. Всегда стыдно быть свидетелем чужого унижения, разве что ненависть застит глаза. Ненависти к раздавленному полковнику Семён никакой не испытывал.

– Товарищ старшина, а чего вы его отпустили?

– А то, что приказа не было расстрелять. Приказ какой был? Поступить по совести, как учит товарищ Сталин. Вот мы с тобой, Семён Егорович, по нашей совести и поступили: поводили харей по земле-матушке, чтоб окстился. Война ведь – это не одни стрелы рисовать на карте, за стрелами и солдата видеть надо. Не будь этой проклятой войны, служил бы и служил себе человек, никому не мешая: по виду не скажешь, что зловредный. А тут война. За себя не можешь ручиться, как в следующую секунду поступишь, а ему за тыщи людей сообразить надо. У кого хошь мозги перевернутся. А был бы приказ, ты не думай, рука бы не дрогнула. Так-то вот.

III

Капитан долго елозил пальцем по карте-километровке, прикидывая, где в кольце окружения может быть у немцев слабина. Осложняло ситуацию то обстоятельство, что хотя бы приблизительно не было известно, куда откатился фронт. Даже когда штаб армии был ещё дееспособным и располагал такими сведениями, там считали излишним делиться с нижестоящими командирами информацией, выходящей за пределы их непосредственной ответственности. И эта практика дублировалась по нисходящей: всякий сверчок знай свой шесток. Капитан пожалел, что сгоряча не вызнал у размазни-полковника хоть что-то, что тот мог знать. Если, конечно, не соврал, что командир дивизии – больше похож на тыловика. Да чёрт с ним!

По всему выходило, что двигать нужно на северо-запад, в тыл к немцам, где вряд ли они выставили столь же крупные силы, как на восточном направлении, куда ночью в огненный мешок устремилась окружённая армия. Избранное капитаном направление тем более казалось привлекательным, что на пути не было серьёзных водных преград, требующих для преодоления плавсредств, – только речушка с заболоченным на большом протяжении левым берегом. Болото, как предполагал капитан, начиналось где-то недалеко от их лагеря и было с километр шириной. Неясным оставалось, насколько оно проходимо. Противоположный берег был нагорным и покрыт лесом на многие километры, на моторах немчуре не подступиться. Там можно будет безбоязненно костры запалить, обсушиться, обогреться, выспаться. Хорошо ещё было то, что километрах в трёх вверх по речонке на карте значилась лесная деревушка, стоящая особняком, от которой единственная дорога пролегла только на запад. Делать здесь фашистам было явно нечего – тупик. Там капитан надеялся разжиться каким-никаким продовольствием. А следующая ближайшая деревня была вниз по течению реки километрах в десяти, если по прямой, и уж от неё вела дорога в районный центр и начиналась российская цивилизация.

Приняв решение, капитан пригласил на военный совет политрука и командиров отделений. Младший политрук в топографии был сведущ и с интересом изучал намеченный маршрут. Другим командирам объяснять пришлось на пальцах. Доводы комбата всем показались убедительными. Капитан мог бы обойтись и без обсуждения своих планов: принимать ответственность на себя было в его обычае и не раз вызывало начальственный гнев. Обходилось, так как его действия, выходящие за границы полученных распоряжений, не предполагающих импровизаций, в конечном итоге приводили к выполнению таких распоряжений. Что, естественно, не добавляло ему популярности у начальства, но повышало авторитет у подчинённых. И было одной из причин, почему в полку он оказался единственным из командиров батарей, кто не пополнил собой списки потерь за все почти четыре месяца войны. Хотя жить лейтенанту, кем он вышел из училища, полагалось в действующей армии не более двух месяцев, а если дотянул до капитана, то на месяц больше. Да и бойцы его батареи были в скорбных списках не частыми гостями.

Комбат по опыту знал, что приказы выполняются подчинёнными с энтузиазмом, елико возможным на войне, тогда лишь, если цели и способы их достижения признаны исполнителями единственно соответствующими обстоятельствам. Прискорбно было то, что такой подход отвергался на высших ступенях армейской иерархической лестницы, и тогда на последующих перекладинах наиболее действенным способом убеждения становилась перспектива трибунала. Командующий фронтом такой перспективой воодушевлял командующих армиями, те – командиров дивизий, те – командиров полков, и так по нисходящей до командиров рот. Только на уровне взводов это действенное оружие теряло свою вдохновляющую силу, потому как сложно испугать взводного родной пулей, если вражеская пуля в разы перспективнее. У взводного единственным способом сподобить бойцов на выполнение поставленной задачи оставался личный пример. А потому не всякий боец успевал запомнить фамилию своего непосредственного начальника – так часто они менялись.

Приказав построить личный состав, включая самодвижущихся раненых, в две шеренги лицом друг к другу на дистанции в пять шагов, капитан, прохаживаясь между рядами, объяснил обстановку и мотивы избранного маршрута выхода из окружения.

– На первый взгляд, логичнее было бы взять курс на восток, а не делать кругалю по немецким тылам. Но именно на такую логику и рассчитывают фрицы, в чём мы ночью наглядно убедились. Прямая дорога к цели в условиях войны не всегда самая короткая. И так, перед нами болото и речушка... – он развернул карту, прочёл название, – ...верховья реки Вепри, ручеёк, можно сказать. Надеюсь, что немцев там нет, а если и есть, то только пешие и в очень ограниченном количестве: техника туда не пройдёт. Но в любом случае к бою нужно быть готовыми. Я заметил, что не у всех бойцов есть оружие. Попрекать не стану. Скажу только, что человеку без ружья в батарее делать нечего. Мы – боевое подразделение Красной Армии, а не партизанский отряд Василисы Кожиной – была такая крестьянская предводительница в наполеоновской войне. Суровая, говорят, была баба, французы её пуще Кутузова боялись.

– Нам бы сюда Василю! – раздался мечтательный голос под смехи.

– А лучше двух – на каждое отделение.

Капитан прикинулся, что не услышал.

– В общем, так. Ищите и обрящете: в лесу оружия много побросали храбрые бойцы непобедимой Красной Армии. Да и от убитых-раненых что-то пригодное осталось. Лично проверю, все ли вооружены. Вопросы есть?

У Родина вопрос был, и он даже вспотел от нетерпения, с каким ему хотелось этот вопрос задать.

– Товарищ капитан, вот вы назвали речку Вепря. А деревни Дегтяри на этой Вепре нет?

Капитан развернул карту:

– Есть, километрах в трёх от возможного места переправы.

– Значит, и Тетёрка есть?

– Есть и Тетёрка вниз по течению.

– Так это ж моя деревня! – задохнулся Семён. – Вот те на! А я думаю, что-то будто места знакомые. Мы сюда по клюкву ходим, тут её прорва.

– Так вы местный, – констатировал капитан, как показалось Родину, с удовлетворением.

– Выходит, что так. А я и сам не знал. Надо же! От Дегтярей в Тетёрку тропинка есть. А дороги нету: Дегтяри уже в другом районе.

– Ну вот, один разведчик, будем считать, налицо. – Капитану неожиданное обнаружение в войске аборигена здешних мест было явно по душе. А Семёну было приятно осознавать свою необходимость этому суровому и как бы в другом измерении находящемуся человеку. – Нужно проверить, насколько проходимо болото и нет ли немцев на реке. Добровольцы есть?

– Да проходимо оно, товарищ капитан, – уже на правах приближённого к начальству лица заверил Родин. – Тут, главное, в яму не угодить: сверху трава, а провалишься – по пояс, – принялся он объяснять уже соседям по шеренге. – А так и по щиколотку не будет – только ноги промочить. А тот берег сухой, не знаю почему.

Капитан разглагольствования Семёна оставил без комментариев, но и обрывать не стал: ему импонировал этот деревенский парень со скуластым – отзвук татаро-монгольского ига – и бесхитростным лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.